

ИСТОРИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Историческая антропология
России: от теоретических дебатов к
конкретным исследованиям

Книга: Историческая антропология

Лекция: Историческая антропология России: от теоретических дебатов к конкретным исследованиям

Автор лекции: Алия Масалимова

Цель: рассмотреть особенности формирования исторической антропологии в России, в частности, переход от теоретических дебатов - к конкретным исследованиям.

Автор нашего курса, российский исследователь Михаил Кром проделал большую аналитическую работу, систематизировал в хронологическом порядке, обобщил концептуальные подходы в разрезе различных исследовательских традиций ряда европейских стран, и в целостном виде подвел нас к истории становления собственно российской историко-антропологической школы.

Восприятие исторической антропологии в России, в отличие от истории ментальностей, было сопряжено со значительными трудностями. Под влиянием работ Арона Гуревича сам этот термин больше понимался как синоним исследования ментальностей.

Известный историк науки Даниил Александров еще в 1994 году опубликовал статью в журнале «Вопросы истории естествознания и техники». В своей работе он категорически не разделял позицию отождествления исторической антропологии с историей ментальностей. По его мнению, такой подход только сужает поле исторической антропологии, которая сейчас предполагает, в первую очередь, изучение разнообразных форм быта и социальных практик. В качестве доказательства он ссылался на работы британских и американских историков П. Бёрка, Э. П. Томпсона, Н. З. Дэвис.

Однако, по свидетельству очевидцев, этот «протест» остался незамеченным. Научный авторитет Арона Гуревича сыграл свою роль, к тому же недостаточное знакомство с достижениями зарубежных историков, за исключением школы «Анналов», обусловили научный энтузиазм со стороны ученых к развитию истории ментальностей. Ее рассматривали как «счастливно найденную новую предметную область исторической науки». Поэтому так сложилось, что к середине 90-х годов XX столетия отечественные историки-русисты понимали историческую антропологию «по Гуревичу» и как некое продолжение истории менталитета.

На примере очерка о становлении исторической антропологии в России, написанного Александром Ивановичем Куприяновым в 1996 г., эксперты отмечают, что можно увидеть по существу обзор всех работ по истории ментальностей, с присутствием лишь небольших сюжетов об истории частной жизни и гендерной истории. И, к сожалению, не находят ответ на вопрос, как эти «истории» связаны между собой и почему все они вместе образуют нечто, именуемое исторической антропологией.

М. Кром также выражает сожаление о том, что, «ни конференция 1998 года в РГГУ, упомянутая во введении к данной книге, ни последующие теоретические обсуждения проблем исторической антропологии не внесли ясность в понимание сути указанного научного направления».

В среде отечественных исследователей заметно слабое знание о реальных достижениях исторической антропологии в Западной Европе и США. при этом прослеживается сильное желание найти ее предшественников в России. Одни ученые историческую антропологию рассматривают в философском смысле - в качестве объекта в центре внимания находится человек в истории, другие идентифицируют это направление с историей менталитета.

Соответственно, непонимание и недостаточный интерес к осмыслению феномена «исторической антропологии» привели к тому, что долгое время в России почти не было работ, авторы которых связывали себя с этим историографическим направлением. Хотя уже сейчас существуют несколько тематических «полей», в рамках которых апробируется историко-антропологический подход.

Исследователи, пишут, что можно констатировать к настоящему времени довольно четко выделившиеся две предметные области исторической антропологии России: это политическая и военно-историческая антропология.

Предметная область одного из стремительно развивающихся исследовательских полей стало изучение представлений о власти в ту или иную эпоху, политического сознания или «менталитета» различных слоев населения, символики власти. То есть всего того, что в зарубежной историографии называется политической антропологией.

Стимулом к развитию этого направления исследований в России стало появление известного произведения Р. Уортмана о «сценариях власти». Важное значение этой книги критики отмечали в своих многочисленных рецензиях, а также в ходе многочисленных дискуссии. Огромное влияние работы Уортмана на современную отечественную историографию подтверждается появлением ряда статей, авторы которых выражают свои позиции последовательно в русле подхода, предложенного Уортманом.

В качестве примера М. Кром приводит следующие статьи. Работу Михаила Дмитриевича Долбилова, российского исследователя истории этноконфессиональных отношений, который проанализировал реализацию «сценария власти», включая создание соответствующей мифологии, пропагандистские приемы и т. п. в борьбе самодержавия с польским восстанием 1863 года.

«Наряду с работами других зарубежных исследователей истории государственной символики книга Р. Уортмана цитируется в статье О. Б. Мельниковой о церемониальных процессиях в России XVIII-XVIII веков» - пишет М. Кром.

Работы российского историка, специалиста по истории революции 1917 года в России, доктора исторических наук, профессора Бориса Ивановича Колоницкого по истории российской политической культуры и, в частности, исследования о политических симпатиях/антипатиях населения и символической природе власти в годы Первой мировой войны и революции 1917 года следует отнести к тому же направлению. В монографии, написанной им в соавторстве с британским историком, специалистом по русской истории, профессор истории в Биркбеке (Лондонский университет) Орландо Файджесом, показан процесс десакрализации монархии накануне 1917 года. В этой работе раскрывается роль языка и политических символов в противостоянии различных сил в ходе революции.

Надо отметить, исследование этой темы было продолжено Б. И. Колоницким в книге о политической культуре 1917 года. И здесь интересна интерпретация истории революции. Мы знаем традиционную, представленную как историю борьбы партий, политических институтов и лидеров, но автор трактует иначе и показывает эту историю как конфликт, возникший по поводу «старых» и «новых» символов и атрибутов власти. В этом ракурсе политическая история вписывается в социокультурную историю, что делает ее характерной для современной мировой историографии.

М. Кром подмечает, что на современном этапе ссылки на «наивный монархизм» крестьян или «забитость и невежество» масс не могут служить достаточным объяснением прочности или слабости монархического режима. Теперь исследователи предпочитают детально изучать народные представления о власти в разные эпохи отечественной истории. В качестве примеров приведены несколько наиболее важных работ.

Монография Павла Владимировича Лукина посвящена анализу представлений о государственной власти в России XVII века. Хотя автор ни разу не говорит об «антропологическом подходе» и лишь изредка употребляет термин «менталитет», так комментирует эту работу М. Кром. Однако ссылки на книгу М. Блока «Короли-чудотворцы» и на «Монтайю» Э. Ле Руа Ладюри однозначно свидетельствуют о том, в русле какой традиции он ведет свое исследование.

Книга интересна тем, что вместо шаблонного тезиса о «наивном монархизме» вниманию читателей предлагается более сложная и многозначительная картина. В частности, выводы автора о том, что фигура царя считается сакральной, но не равной Богу (то есть не обожествляется полностью). Второй: «непригожие речи» вовсе не свидетельствуют о падении царского престижа в глазах народа. Наоборот, это проявление того, что царская власть занимает центральное место в политическом мировоззрении русских людей XVII века.

В монографии Г. В. Лобачевой предметом изучения выступает образ царя в массовом сознании россиян на рубеже XIX-XX веков. В работе исследовательница использует преимущественно два комплекса источников: 1 - фольклорные материалы (сказки, былины, песни, пословицы), 2 - прошения на высочайшее имя, подававшиеся подданными в конце XIX — начале XX века.

Представляют большой интерес анализируемые автором содержания и общее количество ходатайств, поступивших в императорскую Комиссию по принятию прошений на протяжении исследуемого периода. Что обнаружилось, полученные данные оказались в существенном противоречии с теми выводами, к которым приходит Г. В. Лобачева на основании изучения фольклорных материалов.

Автор интерпретирует большое количество песен и частушек, высмеивающих Николая II и его семью, появившихся в начале XX века, особенно после первой русской революции, как «постепенное размывание монархического идеала в общественной психологии». И становится непонятным зафиксированный факт - рост количества прошений на имя царя. Приводимые Г. В. Лобачевой сведения таковы: в 1915 году в Канцелярию по принятию прошений поступило 85 602 ходатайства, адресованных царю, в 15 раз больше, чем в 1825 году, и в шесть с лишним раз больше, чем в 1881 году. А в юбилейном для монархии 1913 году количество прошений на царское имя достигло рекордной цифры - 202 822.

Конечно, можно согласиться с Г. В. Лобачевой, полемизирует М. Кром, что эта статистика сама по себе не свидетельствует однозначно о росте авторитета монарха, но не учитывать эти данные в общих выводах об отношении населения к государю накануне революции также было бы неверно.

Следовательно, при всем при том, что тысячи людей распевали неприличные частушки о царе, царице и Распутине, другие продолжали надеяться на помощь монарха. И в целом картина общественных умонастроений накануне свержения самодержавия была очень пестрой и неоднозначной. «Очевидно, нам нужны более тонкие исследовательские инструменты для изучения тех материалов, которые использованы

в книге Г. В. Лобачевой», - резюмирует М. Кром.

В монографии Б. И. Колоницкого под названием: «Трагическая эротика: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны» показано, каким тяжким испытаниям подверглись монархические и верноподданнические чувства в предреволюционные годы.

Автор подчеркивает, что образы царя и членов его семьи были далеки от «оригинала», но порой «имидж» оказывал большее воздействие на политический процесс, чем реальные действия соответствующего персонажа. При этом не отрицаются некоторые сведения их биографий, сложившиеся на основе слухов и домыслов. Хотя, как замечает сам автор, слухи об августейших особах могли не иметь ничего общего с фактами их биографий. В итоге фрагментация монархической политической культуры обусловила пассивность монархистов в период февральских событий 1917 года, что в большой степени и способствовало быстрой победе революционеров.

В трилогии С. В. Ярова, отмечает М. Кром, анализируется политическая культура рабочих и крестьян в годы революции и военного коммунизма. Сам Яров предпочитает пользоваться терминами «политическое мышление» и «политическая психология». И круг вопросов, которые ставит исследователь, касается того, как осуществлялась политизация питерского пролетариата? Как проявлялись политическая нетерпимость и эгалитаризм в его среде? Что знали и что думали сельские жители о Советах, компартии, Красной Армии?

Темой монографии другого современного российского исследователя Е. И. Зубковой стало изучение общественного мнения в последние годы сталинского режима и отношение населения к политике государства.

Многие российские исследователи, прокладывая новые пути изучения феномена власти в отечественной истории, зачастую упускают из виду фактор «научного родства». Либо, заимствуя из зарубежной историографии только темы и сюжеты, характерные для политической антропологии, сами при этом остаются в русле старой институциональной истории, применяя прежние исследовательские методы. Кром подчеркивает важность историографической рефлексии, осознания концептуального единства нового направления. «Попытка обоснования политической антропологии как новой парадигмы политической истории России предпринята в моей статье», - пишет М. Кром.

Другое тематическое «поле», где применяется историко-антропологический подход на российском материале, связано с религиозной антропологией. Как определил это направление в свое время Л. П. Карсавин: «речь идет об изучении субъективной стороны веры, народной религиозности».

Центральным понятием религиозной антропологии выступает «религиозность», определяемая Л. П. Карсавиным как «субъективная сторона веры», то есть то, как человек верит. Исследователи отмечают, что современные работы по истории русской религиозности и «народного православия», являясь продолжением исследовательской традиции, у истоков которой стоял Л. П. Карсавин, опираются на наблюдения российских и зарубежных этнографов, фольклористов, социологов и культурологов.

Однако вклад Карсавина не исчерпывается ролью в становлении начала исторической антропологии. Он также сформулировал идею новой исторической науки как истории тотальной и культурной, концепцию исторического процесса как синтезирующего единства «социального» и «психического».

По мнению М. Крома, вслед за германским исследователем Л. Штайндорфом российские историки занялись изучением эсхатологических представлений, а также различных аспектов поминальной практики в Древней Руси. Эта тематика тесно связана с проблемой восприятия смерти в указанную эпоху, что также являлось предметом изучения современных российских ученых.

Важно подчеркнуть, что в рамках данного направления рассматривались не только народные верования, представления о конце света, о загробном мире и т. д., но и разнообразные религиозные практики такие как поминальный культ, почитание мощей и икон, или же магия, колдовство и т. п.

Сюжеты на эту тему нашли отражение в фундаментальной монографии российского исследователя А. С. Лаврова о религии в России в 1700-1740 годы. Автор предлагает оригинальную концепцию и рассматривает отношения православия, старообрядчества и сектантства как взаимодействие трех религиозных культур. Он анализирует различные формы народного православия - магию, обряды перехода, эсхатологию, юродство и т. д. и в том числе - религиозность дворянского сословия. Это позволило исследователю по-новому оценить цели и результаты петровской церковной реформы.

«По тематике и по источникам - судебно-следственным делам о преступлениях против ортодоксальной веры к книге А. С. Лаврова - близка монография Е. Б. Смилянкой о народном православии в XVIII веке» - такую оценку дает М. Кром.

Книга: Историческая антропология

Лекция: Историческая антропология России: от теоретических дебатов к конкретным исследованиям

Автор лекции: Алия Масалимова

Но при этом выделяется, что исследовательский подход и постановка задач у этих ученых совершенно разные. А. С. Лавров фокусирует внимание на социальных аспектах веры, народное православие и религиозность дворян рассматриваются отдельно и в соответствии с религиозной политикой властей.

В работе Е. Б. Смилянкой противопоставляются друг другу народная религия и официальное учение церкви. То есть не разные слои населения, а верования, в той или иной мере присущие представителям всех социальных групп снизу доверху. «Подобно другим историко-антропологическим исследованиям, книга Е. Б. Смилянкой подчеркивает инаковость изучаемого общества, несмотря на его кажущуюся близость к нашему времени, и вскрывает обширный пласт архаической культуры в «просвещенном» XVIII веке», - такую оценку дает М. Кром.

«Ростки» исторической антропологии пробиваются и в других предметных областях исследования отечественного прошлого. Так, усилиями Е. С. Сенявской произошла институционализация военно-исторической антропологии. В России изданы три выпуска ежегодника, посвященного этому направлению исследований.

Из материалов статей Е. С. Сенявской видны перспективы военно-исторической антропологии. Она пишет, что это направление особенно интересно и перспективно, так как обращается к историческому опыту как основному и важнейшему источнику знаний о человеке на войне, накопленных обществом за тысячелетия своего развития.

«Тесные контакты с военными историками, психологами, социологами, педагогами и даже медиками показали, что формируется особая отрасль науки, имеющая не только академическое значение, но и способная сыграть немалую роль в совершенствовании военной практики, в укреплении национальной безопасности нашей страны».

В чем принципиальная новизна военно-исторической антропологии? - задается вопросом Сенявская. Проблема в том, что существует несколько наук, изучающих человека с различных точек зрения и разными методами. Но человек един, а его психология, социальное поведение, здоровье, обучение и воспитание и многие другие «измерения» оказываются поделёнными между отдельными областями знаний. Необходимо целостное видение человека, системное его изучение, в том числе и в военном контексте.

Приведу лишь один пример, пишет в своей статье Сенявская, о необходимости комплексного подхода к человеку.» Реабилитация участников боевых действий требует не только взаимосвязанного медицинского и психологического сопровождения, но и соответствующих форм социальной работы, обеспечивающей социальную адаптацию военных ветеранов, в том числе посттравматиков, к условиям мирной жизни. И деятельность государства и общества должна быть не разовой, а системной и многолетней».

Еще один аргумент - это подготовка личного состава вооруженных сил. Как известно, некоторые культуры древности и средневековья обладали знанием о таких психотехнологиях, которые позволяли подготовить эффективного воина в десятки раз быстрее и качественнее, чем сегодня, при том, что совокупность навыков по сложности нередко была сопоставима или даже превосходила современные.

Иначе говоря, эти психотехнологии кардинально повышали стрессоустойчивость воина, скорость и адекватность его реакции, способность к принятию верных решений, к быстроте и точности необходимых движений и действий. Значит, военно-историческая психология должна взять этот опыт на вооружение. Достаточно вспомнить суворовскую «Науку побеждать», которая представляла собой целостную систему, включающую подготовку, воспитание и управление войсками, где морально-психологический аспект имел особое значение. Позднее, к большому сожалению, эта система была забыта и почти не влияла на боевую практику подрастающих поколений.

Но это не отменяет того факта, что следует глубоко изучать и использовать зарубежный опыт, особенно богатый в этом плане в культурах Востока, и отечественный, который на разных этапах развития военного искусства не только приобретался, но нередко выхолащивался и даже утрачивался.

Естественно, для использования подобного опыта сегодня необходимы глубокое изучение, отбор наиболее ценного, адаптация к новым условиям и выстраивание системы.

В этом контексте исследователи обращают наше внимание на историческую память, которая является ценностным ядром национального самосознания, и ее разрушение приводит к подрыву самих основ национальной безопасности страны.

Таким образом, подводя итог этому разделу М. Кром считает, что историческая антропология может быть оценена как новый этап эволюции исторического знания в силу расширения диалога с различными социальными науками. И упоминает даже о проекте Д. А. Александрова, предложившего использовать историко-антропологический подход применительно к изучению науки в России в целом. В соответствии

Книга: Историческая антропология

Лекция: Историческая антропология России: от теоретических дебатов к конкретным исследованиям

Автор лекции: Алия Масалимова

с этой теорией в центре внимания оказывается не судьба научных идей, а повседневная жизнь ученых, межличностные и корпоративные отношения, неформальные контакты и объединения, проблемы покровительства и зависимости, корпоративных интересов и научных школ и т. п.

Таким образом, автор констатирует, что историческую антропологию, наряду с историей ментальностей, исторической психологией и социальной историей можно рассматривать как очередную попытку создания «тотальной», интегрирующей объяснительной модели истории после того, как в 80-е годы был в очередной раз достигнут предел идеи глобальной истории. Но, в любом случае, мы не можем отрицать, что историческая антропология явилась отражением новой ориентации, нового понимания и интерпретации всего комплекса гуманитарных наук.

Основные термины

Государственная власть, менталитет, религиозная антропология, военно-историческая антропология, национальное самосознание.

Дополнительные ресурсы по теме лекции

1. Александров Д.А. Историческая антропология науки в России // Вопросы истории естествознания и техники. -1994.- № 4.- С. 3-4.
2. Юрганов А.Л. Категории русской средневековой культуры. - М., 1998. - С. 21.
3. Юрганов А.Л. Опыт исторической феноменологии // Вопросы истории. 2001. № 9. С. 39. Статья переиздана в кн.: Каравашкин А.В., Юрганов А.Л. Опыт исторической феноменологии. Трудный путь к очевидности. М., 2003.
4. Белик А.А. Культура и личность: Психологическая антропология. Этнопсихология. Психология религии. - М., 2001.
5. Кром М. М. Отечественная история в антропологической перспективе // Исторические исследования в России-II. Семь лет спустя / Под ред. Г. А. Бордюгова. М., 2003.